

Liudmila Koutchera Bosi

**LA CHANSON RUSSA,
canzoni di delitto e castigo**

Polimetrica sas, Monza (MI), 2004.

La “chanson russa” (русский шансон) è una definizione della canzone popolare russa che include vari generi e sottogeneri: ballate, canzoni d’amore, romanze metropolitane, stornelli, canzoni degli internati (лагерные песни) e canzoni della mala (блатные песни). Tutte opere non solo di cantautori famosi, ma anche di autori rimasti ignoti per il rischio di esporsi o perché tramandate dal folclore musicale: storie delle “gesta” dei malviventi, storie di delitto e castigo, canzoni di lamento, ma anche di allegria spensierata. Facciamone due esempi.

Песня о Сталине

(слова и музыка Юза Алешковского, 1959 г.)

Товарищ Сталин, Вы большой учёный,
В языкознании познавший толк,
А я простой советский заключённый,
И мой товарищ – серый брянский волк.
 За что сижу, воистину не знаю,
 Но прокуроры, видимо, правы.
 Сижу я нынче в Туруханском крае,
 Где при царе сидели в ссылке вы.
В чужих грехах мы с ходу сознавались,
Этапом шли навстречу злой судьбе,
Мы верили так Вам, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.
 И вот сижу я в Туруханском крае,
 Где конвоиры, словно псы, грубы.
 Я это всё, конечно, понимаю,

Как обостренье классовой борьбы.
То дождь, то снег, то мошкара над нами,
А мы в тайге с утра и до утра.
Вы здесь из искры раздували пламя,
Спасибо Вам, я греюсь у костра.
 Вам тяжелей, вы обо всех на свете
 Заботитесь в ночной тоскливый час,
 Шагаете в кремлёвском кабинете,
 Дымите трубкой, не смыкая глаз.
И мы нелёгкий крест несём задаром,
Морозом дымным и в тоске дождей.
Мы, как деревья, валимся на нары,
Не ведая бессонницы вождей.
 Вы снитесь нам, когда в партийной кепке
 И в кителе идёте на парад.
 Мы рубим лес по-сталински,
 А щепки во все стороны летят.
Вчера мы хоронили двух марксистов,
Тела одели ярким кумачом,
Один из них был правым уклонистом,
Другой, как оказалось, ни при чём.
 Он перед тем, как навсегда скончаться,
 Вам завещал последние слова –
 Велел в военном деле разобраться
 И тихо вскрикнул: «Сталин – голова!»
Дымите ж тыщу лет, товарищ Сталин,
И пусть в тайге придётся сдохнуть мне,
Я верю: будет чугуна и стали
На душу населения в стране!

Canto a Stalin (traduzione di L.Koutchera Bosi)

Compagno Stalin, Lei è un grande scienziato,
un gran linguista inconfutato,
mentre io sono un semplice recluso sovietico,
il lupo grigio di Brjansk è mio amico bisbetico.

In verità non so perché sto dentro e non fuori,
avràn ragione forse i procuratori.

Così son detenuto nella regione di Turuhan
Dove Lei è stato esiliato sotto lo zar.

Confessavamo presto i peccati degli altri, infedeli,
le tratte ci portavan verso i destini crudeli.

Compagno Stalin, Le prestavamo la fede ossessa,
può darsi, molto di più che a se stessi.

Ed eccomi recluso nella Regione di Turuhan,
dove le guardie sono prepotenti nel tratran,
ma io capisco tutte queste prassi
come l'inasprimento della lotta di classe.

Ora piove, ora nevicà, e moscerini girano a trottolina,
e noi sempre nella taigà dalla mattina alla mattina.

Lei qui faceva scaturire il fuoco da una scintilla.

Grazie! Mi sto scaldando vicino al falò di pigne!

Per Lei è più pesante: di giorno e a notte fonda
Lei si preoccupa di tutto il mondo.

Cammina su e giù nel suo studio al Cremino,
fuma la pipa e non dorme neanche un momentino.

Noi La sogniamo arrivare alla parata

Col berretto del partito e la divisa adeguata.

Noi qui tagliamo i boschi alla staliniana

e le schede degli alberi sfrecciano lontano.

Ieri abbiamo seppellito due marxisti,
abbiam coperto le salme coi drappi rossi dei comunisti:
uno di loro era deviazionista di destra e trozkista,

I'altro non c'entrava nulla, un opportunista.
E prima di trapassar per sempre all'altro mondo
A Lei ha dedicato le ultime parole, fremebondo:
ha suggerito di sistemare la faccenda militare
e ha gridato: "Stalin è un vero capo popolare!"
Allora lunga vita, compagno Stalin, mille anni!
E se dovessi crepare nella taigà io barbagianni,
credo che tanta ghisa e tanto acciaio saran prodotti
pro capite nel nostro Paese dei patrioti!

Песня о Ленине

(слова и музыка Сергея Трофимова, 2002)

Я не помню Ленина живьём,
Я его застал уже холодным.
Говорят, был дерзким пацаном,
Поимел державу принародно,
Отнял у богатых кошельки
И подвёл под новые понятия:
Дескать, все отныне босяки,
Вот такая, значит, демократия.
Маленький, картавый, без волос,
Без конца по тюрьмам ошивался.
Видно, так несладко довелось,
Говорят, чернилами питался.
Десять лет торчал на Колыме,
Партизанил в питерских болотах,
А потом метнулся по зиме
За бугром подтягивать босоту.
Женщин он к себе не допускал,
Всё боялся, что менты банкуют.

Он, конечно, жутко тосковал,
Ест чернила и сидит, тоскует.
Но однажды в питерских «Крестах»
Ленин встретил каторжанку Надю.
Тоже вся на шифере и в кандалах,
Вот и поженились, не глядя.
 Он Надюхе спуску не давал,
 Так сказать, держал всегда на стрёме,
 Сам удачно банки обувал,
 Надя знала фарт на ипподроме.
 В общем, жили воровской семьёй,
 Вечерами резались в картишки,
 Только вот о жизни половой
 Вова беспокоился не слишком.
Как он мог Надюхе рассказать,
Как в далёком Магаданском крае
При морозе минус сорок пять
Он по снегу полз от вертухая,
Как, отняв ладони от лица,
Плакали навзрыд олениводы,
Нет у революции конца,
Отдала его однако за свободу.
 От судьбы приняв такой удел,
 Вова стал чудить и куролесить.
 Прокатился дикий беспредел
 По российским городам и весям.
 Расстреляли тысячи людей,
 У живых отняли пропитатье.
 Вот как бывает у вождей,
 Если он не вождь в интимном плане.
А теперь вот он в гробу лежит,
Может, помер, может, притворился.
Он ведь, гад, «живее всех живых»,
Вот ведь как в гробу-то сохранился.
Может быть, гореть ему в аду,

Но пока для всех, на всякий случай,
Пусть он будет лучше на виду,
Вдруг ещё чего-нибудь отчебучит.

Canto a Lenin

(traduzione di L. Koutchera Bosi)

Non mi ricordo di Lenin vivo,
l'ho trovato già stecchito.
Dicono che era un ragazzo combattivo,
prese il potere a furor di popolo agguerrito.
Si appropriò dei borselli dei ricconi,
introdusse nuovi concetti di economia:
come dire, ora tutti sono straccioni,
questa è la vera democrazia.
Piccolo, con l'erre moscia e pelato,
passava da una prigione all'altra.
E' chiaro, quanto fosse disperato,
dicono che bevesse il vino chinato.
Per dieci anni a Kolyma è stato esiliato,
poi nelle paludi di Pieter si nascondeva dai poliziotti,
e quando l'inverno era arrivato,
andò all'estero a radunare poveri e galeotti.
Delle donne non si fidava più di tanto:
temeva che forse la polizia gliene mandava.
Soffriva, certo, di nostalgia sacrosanta,
beveva il vino rosso e si addolorava.
Ma un giorno Lenin incontra Nadia, un'ergastolana,
nel carcere "Kresty" di Pieter,
anche lei coi ferri, fatta, buonalana.
Così si sposarono e incominciò il comune iter.

Con Nadia lui era intransigente anche,
per dire, l'aveva sempre osservata.
Lui stesso faceva le scarpe alle banche,
alle corse di cavalli Nadia era fortunata.
Insomma, vivevano come una famiglia di ladri,
di sera giocavano a scala quaranta,
ma della vita sessuale leggiadra
Vova non si preoccupava più di tanto.
Come avrebbe potuto raccontarle, per davvero,
che nella terra di Magadan lontana
con il gelo a 45° sotto zero
lui si trascinava sulla neve, scappando da un sorvegliante,
che, a vederlo così conciato,
piangevan a dirotto allevatori di renne.
La rivoluzione non è mai terminata,
ma l'ha sacrificato per la libertà perenne.
Subito questo guaio dal suo destino,
Vova cominciò a dare dei numeri,
si sparse l'obbrobrio meschino
per le città e i paesi innumeri:
fucilarono migliaia di persone all'istante,
privarono i vivi di alimentari essenziali.
Così succede a quei comandanti
Che non sono bravi nei rapporti sessuali.
Ed eccolo adesso nella bara sdraiato,
forse è morto, forse fa solo finta.
Guarda quanto è bene conservato,
perché lui è "più vivo di tutti i vivi".
Forse dovrà bruciare all'inferno,
ma sarà meglio per tutti, per ogni evenienza,
che rimanga in bella vista in eterno,
se no, potrebbe combinare dei guai di sua competenza!